

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК И ЭКОНОМИСТЫ

КОНДРАШОВ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург,
e-mail: stif.lo@rambler.ru

Автор рецензии анализирует новую монографию Владимира Максевича Ефимова «Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики» (2016), в которой профессия экономистов рассматривается с точки зрения, с одной стороны, её погруженности в определенный социально-экономический порядок, а с другой – её влияния на последний. Это осуществляется путем анализа профессии университетских и академических экономистов как института, правила функционирования которого на протяжении всей истории существования этой профессии определялись в основном извне сообщества экономистов. Рождение профессии экономистов в середине XIX в. было связано с появлением социального вопроса, вызванного возникновением промышленного капитализма, и три направления экономической мысли (классическая политическая экономия, а затем и неоклассический экономикс, марксистская политическая экономия и исходный (original) институционализм) предлагали три разных объяснения и, соответственно, три разных варианта решения этого вопроса. В книге излагаются малоизвестные российскому читателю перипетии развития первого и третьего из этих направлений, и объясняется исчезновение, начиная с 1950-х гг., исходного институционализма, в то время как экономикс на Западе и марксизм в СССР начали обслуживать интересы господствующих элит и выступали в качестве идеологии, а не науки. Научная экономическая дисциплина была представлена тогда только исходным институционализмом, сторонники которого, опираясь на идеи историко-этической школы Г. фон Шмоллера, философию прагматизма Ч. С. Пирса и учение о человеке Дж. Дьюи, занимались непосредственным изучением экономической реальности (экономических институтов, правил, привычек, верований-убеждений и ценностей, направляющих экономическое поведение акторов, участников экономической деятельности) с помощью качественных методов исследования (интервью, включённое наблюдение, исследование действием). Такая методология предполагает, что акторы являются компетентными в конкретных проблемных ситуациях, а значит только они во взаимодействии с экспертами (а не одни эксперты, как это имеет место в элитарных демократиях) могут в процессе обсуждения (deliberation) прийти к решению этих проблем. Основываясь на этом, В. М. Ефимов делает попытку, с одной стороны, реставрировать исследовательские практики исходного институционализма в форме историко-дискурсивно-конструктивистского институционализма (который выступит рамочной социальной теорией), а с другой – предлагает проект социально-экономического порядка, основанного на делиберативной (совещательной) демократии.

Ключевые слова: прагматизм, конструктивизм, экономическая методология, социальный вопрос, экономическая дисциплина, профессия экономистов, немецкая

историко-этическая школа, американский исходный институционализм, экономическое образование, социальное государство, ценностные ориентации экономистов, делиберативная демократия.

THE SOCIO-ECONOMIC ORDER AND ECONOMISTS

PYOTR N. KONDRASHOV,

Candidate of philosophical sciences,

Senior researcher,

Institute of philosophy and law, Ural branch, Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg,

email: stif.lo@rambler.ru

The author of the review analyses the new book of Vladimir Yefimov «Economic science in question: other methodology, history and research practice» (2016), in which the profession of economists is considered from the point of view, from one side of its immersion in a particular socio-economic order, and, on the other – its influence on the latter. This is done by analysing profession of university and academic economists as an institution, the rules of functioning of which throughout the history of this profession was determined largely from outside the community of economists. The birth of the profession of economists in the mid-nineteenth century was associated with the emergence of social question, caused by the appearance of industrial capitalism, and three currents of economic thought (classical political economy and later neo-classical economics, Marxist political economy and the original institutionalism offered three different explanations and, therefore, three different solutions to this question. The book outlines the twists and turns of the development of the first and third of these currents, and explains the disappearance, starting from 1950-ies, of the original institutionalism, while the economics in the West and Marxism in the Soviet Union began to serve the interests of the ruling elites and acted as the ideology, not as the science. Scientific economic discipline was presented then only by the original institutionalism, drawing the insights from the historical-ethical school headed by G. Smaller, the philosophy of pragmatism by C. S. Pierce and the concept of person by John. Dewey, was directly involved in the study of economic reality (economic institutions, rules, habits, beliefs and values that guide the behaviour of economic actors) with the help of qualitative research methods (interviews, participant observation, action research). This methodology assumes that actors are competent in specific problematic situations, which means that only they, in cooperation with experts, (not the experts alone, as is the case in elitist democracies) may be in a process of discussion (deliberation) to come to the solution of these problems. Hence V. Yefimov makes an attempt, on the one hand, to restore the original research practice of institutionalism in the form of a historical-discursive and constructivist institutionalism (which will serve as a framework social theory), and, on the other hand, to propose a project of socio-economic order based on deliberative democracy.

Keywords: *pragmatism, constructivism, economic methodology, social question, economic discipline, the profession of the economists, German historical-ethical school, original American institutionalism, economic education, the welfare state, values of economists, deliberative democracy.*

JEL: *Y30, B52, B41*

Современная академическая экономическая дисциплина – не наука, а наукообразное выражение определенной идеологии

Сегодня много говорят об экономике, о мировом кризисе, задевшем фактически каждого человека на планете. Постоянные рубрики в СМИ и в первую очередь на ТВ создают впечатление, что большая часть населения весьма глубоко разбирается в экономических тонкостях и что простых людей интересуют взлеты и падения «голубых фишек», дефицит и профицит бюджета, ставки по кредитам, международные транши и даже возможная консолидация по индексу РТС. Бойкие «финансовые аналитики» смело с экранов телевизоров предсказывают падение курса доллара или рост индекса Доу – Джонса по итогам последних торгов на 2,5 пункта...

И тут возникает ряд весьма серьезных вопросов не только к этим «аналитикам», но и вообще к современным экономистам в целом. Что в действительности скрывается этой «математикой»? Зачем нужна вся эта информация обывателям (а ведь ее вещают не в рамках специализированных программ, а в общем, всенародном «формате»? Какое отношение такого рода «экономика», как «практичная» наука, имеет к повседневной жизни людей? Способны ли современные экономисты (подобно своим великим предшественникам, таким как Ф. Кенэ, Дж. М. Кейнс, Дэн Сяопин, и даже И. В. Сталин) *изменить мир*, преодолеть кризис и действительно обеспечить не просто «рост ВВП», а *увеличение благосостояния людей в их реальной жизни*? Или они способны только делать «аналитические прогнозы», перегруженные количественными показателями, и двигаться в рамках статуса-кво, определенного политиками-неолибералами? Если это так, то тогда сама экономическая наука попадает под вопрос: нужна ли такая экономическая наука и такое экономическое образование?

Именно так радикально ставит проблему в своей новой книге «Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики» В. М. Ефимов: если современная экономическая наука в России не отвечает национальным интересам, не может положительно повлиять на поступательное развитие страны (Ефимов, 2016, с. 6), а нацелена только на идеологическое обслуживание существующего капитализма и никак не нацелена на «детальное изучение его негативных последствий и его реформирование в интересах не избранных, а большинства народа» (Ефимов, 2016, с. 9), то *такая экономическая наука России не нужна*. «Россия, – пишет В. М. Ефимов, – нуждается в сообществе экономистов преподавателей и исследователей, ориентированных, прежде всего, на выполнение своей социальной функции способствования решению жгучих проблем страны, продвигающее к социальному государству, а не на свою принадлежность к “международному научному сообществу”» (Ефимов, 2016).

В предисловии рецензируемой работы В. М. Ефимов замечает, что его «книга предназначена не только для экономистов и, может быть, даже не столько для экономистов, сколько для всех тех молодых людей, которых не удовлетворяет нынешний социально-экономический порядок и которые хотели бы способствовать его изменению. Такое изменение не может обойтись без радикальной реформы профессии экономистов, которая неизбежно должна быть инициирована не изнутри сообщества профессиональных экономистов, а демократически извне его» (Ефимов, 2016, с. 9).

В своей книге В. М. Ефимов утверждает, что экономическая дисциплина существует в четырех лицах (науки, философии, идеологии и утопии) и что такое существование является не только неизбежным, но и необходимым. По его мнению «беды России XX века проистекали не из-за того, что она доверилась идеологиям и утопиям вообще, а в том, что сначала марксизм, а затем экономический либерализм, которым она последовала, настойчиво догматически применялись без оглядки на катастрофические результаты и игнорируя мнения и желания большинства населения страны». Он считает, что «современная экономическая дисциплина,

как моральная и политическая философия, должна предполагать постепенность (экспериментальность) социально-экономико-политических преобразований с их корректировками исходя из получаемых результатов и вовлечение широких кругов общественности в эти преобразования, обсуждение их результатов и принятие решений по их корректировкам» (Ефимов, 2016, с. 156). По его мнению, такая моральная и политическая философия должна основываться на таких трех центральных понятиях, как *власть*, *ответственность* и *коммуникация*. Он констатирует, что «в Советском Союзе власть основывалась на силе, а на Западе на деньгах. Сейчас в России произошло необыкновенное смешение этих двух источников власти». По его мнению, «альтернативная и советской и западной политико-экономическая система должна сместить источники власти от силы и денег к ответственности и коммуникации: это и есть то, что в свое время Джон Коммонс назвал «коллективной демократией» (*Commons, 1950, p. 24*), а сейчас получило название делиберативной демократии» (Ефимов, 2016, с. 156). В. М. Ефимов подчеркивает, что «властью, то есть реальным влиянием на ход событий, в этой системе обладали бы, прежде всего те, кто брал бы на себя ответственность за организацию решения той или иной проблемы, а также те, кто организовывал бы как можно более широкое обсуждение имеющихся проблем общественностью» (Ефимов, 2016, с. 303). Джон Коммонс был одним из тех, кто стоял у истоков исходной (original) институциональной экономики, которая была достаточно влиятельным течением в США в первую половину XX в. Сейчас традиция исходной институциональной экономики продолжается не экономистами, а политологами в сообществах исторического (*Skocpol, 1999; Steinmo, Thelen and Longstreth, 1992*), дискурсивного (*Schmidt, 2008*) и конструктивистского (*Hay, 2006*) институционализмов (Ефимов, 2016, с. 152).

Так называемая «новая экономическая институциональная теория», ставшая экономическим мейнстримом, полностью порвала с этой традицией и полностью исказила ее замысел. В. М. Ефимов приглашает экономистов порвать с мировоззренческими стандартами, заложенными школой экономистов-физиократов во главе с Ф. Кенэ, который «утверждал, что люди должны подчиняться физическим и моральным законам, которые являются естественными законами установленными Всевышним» (Ефимов, 2016, с. 93). Автор рецензируемой монографии предлагает совершенно другую мировоззренческую схему: «Социально-экономическая реальность, то есть поток экономической деятельности, есть результирующая действий совокупности ее участников (акторов). Последние делятся на более влиятельных, обладающих большей властью, и менее влиятельных и, конечно, вес более влиятельных в этой результирующей выше, часто намного выше, чем менее влиятельных. Действия участников регулируются некоторыми формальными и неформальными правилами, которые в свою очередь основываются, в основном, на разделяемых ими верованиями (идеями и ценностями). Более влиятельные участники экономической деятельности имеют больше возможностей, чем менее влиятельные, изменить формальные правила, скорректировать неформальные правила, и убедить менее влиятельных участников в правоте новых верований и правомерности новых правил. В этом смысле можно сказать, что социально-экономическая реальность субъективна. Исследователь этой реальности должен нацелить свое внимание на то, как видят поток экономической деятельности различные ее участники, то есть каковы для них смыслы того, что происходит» (Ефимов, 2016, с. 33).

Интересный историко-политологический аспект рецензируемой монографии обнаруживается в исследовании автором истории современной экономической науки. Так, «уже очень экономически и политически влиятельные в то время [во Франции в первой половине XIX в. – Авт.] промышленники, – пишет В. М. Ефимов, – способствовали профессионализации экономистов, выражающих и защищающих их интересы, путём влияния на их идеи и на процесс создания государством кафедр политической экономии

в университетах» (Ефимов, 2016, с. 137). Но дальше – больше. Уже А. Маршалл (собственно родоначальник экономикс), имевший огромное влияние на формирование преподавательского состава кафедр политической экономии в Англии, «ввёл правило, в соответствии с которым к эмпирическим исследованиям допускались только студенты, имеющие уже степень бакалавра, и тем самым работа с данными канализировалась в соответствии с неоклассической теорией» (Ефимов, 2016, с. 141). «Итак, – заключает автор, – в Великобритании конца XIX века стараниями Маршалла был дан старт институту экономической дисциплины с её абстрактно-априорным подходом» (Ефимов, 2016, там же).

Интересно, что В. М. Ефимов первоначальную спекулятивную ориентацию и французских, и английских, и американских экономистов связывает с тем, что они работали в университетах, в которых были сильны *теологические* традиции (Ефимов, 2016, с. 137, 141–142). Более того, в США, начиная со второй половины 1870-х гг., право принадлежать к профессии экономиста напрямую связывалось с верностью системе *laissez-faire* (*позвольте-делать*); *вера* в капитализм *a la laissez-faire* являлась единственным основанием для того, чтобы считать человека экономистом. Но самое главное – в 1890–1910-х гг. представители альтернативных экономических направлений «были подвергнуты репрессиям» (Ефимов, 2016, с. 143), а после Второй мировой войны изначальный (исходный) институционализм в США как академическая дисциплина прекратил своё существование не без помощи ФБР (Ефимов, 2016, с. 239–240). Одной из причин этого было то, что «после завершения с помощью институционалистов изменений, в которых были заинтересованы правящие классы, эти последние прекратили поддержку первых и переключились на поддержку неоклассиков, идеологически помогающих им сохранить свою доминирующую роль в обществе» (Ефимов, 2016, с. 181). Фр. Ли в качестве сил, повлиявших на экономическую дисциплину в США после 1945 г., указывает антикоммунистическую истерию, становление консервативного антиправительственного политического и социального климата, разделяемого бизнес-сообществом, и движение модернизации, в рамках которого экономические факультеты сознательно преподавали самые последние версии неоклассической экономической теории с использованием математических методов (Ефимов, 2016, с. 239).

В своей книге В. М. Ефимов предлагает осуществить эпистемологический разрыв со всей предшествующей и нынешней академической экономикой, с апологетической (классика и неоклассика) и революционной (марксизм) традициями, и *реставрировать парадигму*, кардинально противоположную классике и марксизму, парадигму, которая возникла в Германии десятилетием раньше неоклассической дисциплины, а затем была перенесена в США, где одно время соперничала с экономикс, но в силу политических, идеологических и чисто конъюнктурных причин сошла на нет. Немецкая историко-этическая школа, возглавляемая Г. фон Шмоллером, предложила третий путь решения социального вопроса. Во-первых, её представители отказались от понятия объективно протекающих естественных и естественноисторических экономических законов, а вместо них сосредоточили своё внимание на анализе экономических институтов. Во-вторых, они отказались от апологии *laissez-faire* и «от непримиримого антагонизма между работодателем и наёмными работниками». А вместо сохранения статуса-кво или его насильственного уничтожения, «решение социального вопроса виделось Шмоллером в переходе к социальному государству с его справедливыми институтами, которые реформируют, а не ликвидируют частную собственность и наёмный труд» (Ефимов, 2016, с. 8). Причем «такое видение социального вопроса произошло в рамках кардинальной смены парадигмы экономической науки», ибо для успешного продвижения к социальному государству была нужна не математизированная априорная и абстрактная экономика, а «детальное знание о реформируемой действительности» (Ефимов, 2016).

Как сориентировать профессию экономистов на исследование реальности

Чтобы преодолеть все вышеуказанные «грехи» неоклассической (неолиберальной) экономики (Vecchio and Leghissa, 2016) и восстановить научный статус академической экономики, по В. М. Ефимову, необходимо ориентироваться не на априорные математические теории, оторванные от реальности, и некие абстрактные законы, якобы объективно присущие экономической реальности, а на *эмпирические исследования самой этой реальности*. Но что представляет собой эта реальность? В. М. Ефимов в ответе на этот вопрос присоединяется к социальному конструктивизму¹ (Лукман и Бергер, 1995), согласно которому социальный порядок существует только как *продукт человеческой деятельности*: прошлой (запечатлённой в фактичности социального порядка) и протекающей в настоящем (поскольку люди продолжают непрерывно создавать и воспроизводить в своей непосредственной деятельности этот социальный порядок). «Социально-экономическая реальность, то есть поток экономической деятельности, есть результирующая действий совокупности её участников (акторов)» (Ефимов, 2016, с. 33).

Но что движет человеческой деятельностью? Скажем, некоторые марксисты считают, что материальные и духовные потребности. Но автор, ориентируясь на прагматизм Ч. Пирса (Ефимов, 2016, с. 21), полагает, что в большинстве случаев мы действуем по некоторым формальным (юридически закреплённым) и неформальным (неписаным) *правилам (rules of action)*, основанным на верованиях-убеждениях, и эти правила, будучи многократно повторены в повседневной деятельности, превращаются в *привычку (habit)*. «Смыслы (*meanings*), которые человек придает своей деятельности, позволяют идентифицировать принадлежность ситуации к тому или иному классу, а, следовательно, и правило действия в этой ситуации». Эти правила, разделяемые всеми членами социальной группы, в процессах интериоризации и типизации превращаются в *социальные институты* (Ефимов, 2016, с. 25–26, 151–152). Причём сам институт здесь «понимается не как ограничение, а как направляющая сила человеческого поведения», ибо правила и обеспечивающие их верования «рассматриваются как совокупность институциональных и социальных знаний, разделяемых определённым человеческим сообществом» (Ефимов, 2016, с. 46).

Таким образом, заключает В. М. Ефимов, из этой деятельностной онтологии можно сделать важнейший методологический вывод: коль скоро экономика представляет собой совокупность социальных институтов, в основе которого лежат правила, основанные на тех или иных верованиях-убеждениях, то экономист-исследователь должен изучать эти конкретные социальные институты, т.е. правила-привычки акторов. Эта позиция Ефимова, особенно со стороны марксистов, может быть характеризоваться как субъективистская. Однако он считает, что материальные потоки (производство, распределение, потребление) осуществляются не сами по себе, а направляются людьми, которые при этом следуют определенным (общим для общества/сообщества) правилам. Именно следование правилам и приводит к определенным материальным закономерностям, которые могут быть выявлены статистическими методами. В. М. Ефимов выступает не против объективности, то есть независимости социальных реалий от каждого отдельного человека, а против объективизации социальной реальности, то есть приписывания ей каких-то закономерностей сверх тех, которые проистекают из следования массами людей из

¹ В современной социальной науке иногда различают *социальный конструктивизм* и *социальный конструкционизм* (Andrews, 2012; Burr, 2003; Weinberg, 2014). Согласно этому различению, *социальный конструктивизм* представляет собой *социально-психологическую теорию*, ориентированную на изучение личностных процессов смыслополагания знания и опыта в социальном контексте, в то время как *социальный конструкционизм* в качестве социальных конструкций анализирует в первую очередь социальные действия акторов и социальную активность как таковую, и поэтому является больше не психологической, а социологической теорией. В рецензируемой монографии это различение отсутствует. Объясняется это тем, что В. М. Ефимов в своем подходе синтезирует оба этих комплементарных подхода. Предполагается, что такой синтез (в применении к экономической науке) является весьма продуктивным.

одного и того же общества/сообщества одним и тем же правилам, принятым в этом обществе/сообществе.

Методология, представленная автором книги, является историко-дискурсивно-конструктивистской. Она, с одной стороны, включает исторический анализ исследуемых институтов, а с другой стороны – анализ дискурсов акторов, в том числе на базе специально проведенных интервью. У каждого социального института «есть своя история» (Ефимов, 2016, с. 29) и для успешной экономической политики необходимо учитывать историю правил действия акторов и их верований-убеждений, иначе её незнание может привести к отторжению нововведений, противоречащих глубинным убеждениям, как это было с либеральными реформами при Столыпине в 1906 г. и при Гайдаре и Ясине в 1990-х. Эти реформы плохо работали «не потому, что не были развиты соответствующие механизмы принуждения, а потому, что они не соответствовали верованиям-убеждениям и привычкам всей совокупности акторов, то есть институционализация не была успешной» (Ефимов, 2016, с. 28). Итак, в первую очередь необходимо изучать *правила*, составляющие социальный институт, и верования-убеждения, лежащие в основе этих правил. Но эти правила и убеждения обнаруживают себя в речевых актах и текстах, т.е. в форме *дискурсов*, в виде «*историй*» (Ефимов, 2016, с. 16–17, 45). Следовательно, «в социальных науках следует изучать не вещи и функциональные связи между ними и событиями, а дискурсы, состоящие из речевых актов» (Ефимов, 2016, с. 47), ибо эти «истории» способны двигать рынки, ибо они сами – часть экономики (Ефимов, 2016, с. 16). «Поскольку социальные взаимодействия опосредуются языком, речевая деятельность (*conversations*) и дискурсы должны рассматриваться как первичная и имеющая первостепенное значение социальная реальность, которую и нужно изучать» (Ефимов, 2016, с. 47). Для этого исследователь должен войти в дискурс с людьми, чьё поведение он изучает, вжиться в их когнитивный мир, понять, что рассматриваемая ситуация значит для исследуемого, и только тогда мы сможем понять, почему он поступает так, а не иначе (Ефимов, 2016, с. 47–48).

Полученные таким образом несколькими исследователями результаты, а именно выявленные правила привычки и верования-убеждения, сравниваются и обсуждаются. Очень важно понимать, что в этой процедуре совместного обсуждения полученных результатов нет места для ситуации «истина рождается в споре», которая возможна только в условиях столкновения абстрактных теорий и принципов. Напротив, здесь общее согласие относительно исследуемой реальности рождается в силу того, что Б. Латур назвал *сопротивлением объекта исследования* (Латур, 2003; Ефимов, 2016, с. 51; Блур, 2017; Латур, 2017), которое все члены научного сообщества (даже с противоположными априорными теоретическими установками), задействованные в исследовании, ощущают *одинаково*, – «именно одинаковость этого сопротивления и ведёт исследователей к общему соглашению» (Ефимов, 2016, с. 59).

Что касается математических (в первую очередь статистических) методов, то, с точки зрения В. М. Ефимова, они в рамках конструктивистской институциональной экономической науки носят вспомогательный характер: «Максимум, что могут дать количественные методы исследования, это помочь поставить вопросы для дальнейшего анализа на основе так называемых качественных методов исследования (интервью, включённое наблюдение, исследование действием и т.д.)» (Ефимов, 2016, с. 285). В целом же В. М. Ефимов в качестве итога применения своего варианта конструктивистской институциональной методологии видит *заземлённое теоретизирование* (*grounded theory*), т.е. создание укоренённой в эмпирических данных теории, представляющей собой абстрактное понимание изучаемого опыта (Glaser, 2011), но всегда с «выходом» на возможность практического применения, формулирования конкретных рекомендаций (Ефимов, 2016, с. 38–42).

Все вышесказанное основывается на философии Дж. Дьюи, который охарактеризовал её тремя важными чертами: *проведение экспериментов* (идеи проверяются в их

практическом применении), *изучение индивидуальных событий* (изучаются отдельные случаи в конкретных ситуациях, отказ от открытия универсальных законов), *применение знания для социальных изменений* (знания используются для решения конкретных проблем путем изменений и необязательно разрушения существующих институтов) (Dewey, 1973, p. 58; Гаррета, 2015).

Философская антропология Дж. Дьюи

Свои политические идеи В. М. Ефимов строит на основе философско-антропологической концепции Дж. Дьюи (сам автор рецензируемой книги называет их «моделью человека Дьюи» (Ефимов, 2016, с. 284), которые Дьюи частью заимствовал у Ч. Пирса, частью развил сам. Базовые понятия этой модели человека – верования-убеждения (*beliefs*), правила-привычки (*habits*) и исследование-расследование (*inquiry*) – были уже у Пирса, сам Дьюи добавляет к ним ещё три важнейших понятия: проблемная ситуация (*problematic situation*), продумывание-обсуждение (*deliberation*) и интеллектуальный поиск (*intelligence*).

Прежде всего, человек у Дьюи понимается как *активное, деятельное, социальное и познающее* существо, всегда включённое во взаимодействия с другими людьми. «Человек, – писал Дж. Дьюи, – это социальная личность, а общество – это органичное сообщество индивидов. Если мы отбрасываем социальный фактор, говоря о личности ребёнка, то у нас остаётся только абстракция, если же мы не учитываем личностный фактор при изучении общества, то у нас остаётся только инертная и безжизненная толпа» (McDermott, 1981, p. 445). Важно учесть то, что *правила-привычки* не являются бездумными автоматизмами, а требуют в конкретной ситуации *активного сознательного выбора* конкретного деятельностного репертуара из всего универсума правил. В своей жизни люди оказываются в ситуациях двух типов, в каждой из которых развёртывается особый порядок действий. Формирование же *новых правил-привычек* и *верований-убеждений*, по Дьюи, происходит на основании *интеллектуального поиска*, и в этом смысле проблемные ситуации оказываются движущими силами человеческой деятельности. Вот что он писал по этому поводу: «Назначение интеллектуального поиска (*intelligence*) при возникновении проблемы [проблемной ситуации] у отдельного лица либо сообщества состоит в том, чтобы осуществить рабочую связь между старыми привычками, обычаями, институтами, верованиями и новыми условиями» (Dewey, 2000, p. 56).

Модель человека Дж. Дьюи, которую В. М. Ефимов противопоставляет модели *homo oeconomicus*, может быть представлена в виде следующей таблицы 1.

Таблица 1

Два типа ситуаций

Обычная ситуация	Проблемная ситуация
Идентификация ситуации на основании наличных верований-убеждений	Неудача в идентификации ситуации как обычной на основе наличных верований-убеждений
Активный выбор правил-привычек на основе продумывания-обсуждения	Проведение исследования-расследования и продумывание-обсуждение
Применение выбранных правил	Интеллектуальный поиск и продумывание-обсуждение
Сравнение последствий применения правил-привычек с ожидаемыми результатами. Если последствия применения правил-привычек совпадают с ожидаемыми результатами, то верования-убеждения подтверждаются и правила-привычки усиливаются. В противном случае ситуация превращается в проблемную	Корректировка или замена наличных правил-привычек

Как нам представляется, центральным понятием в философии Дьюи является понятие *исследование-расследование*. Проведение исследования-расследования даёт нам в качестве своего результата новое понимание отдельных элементов окружающего нас мира и протекающих в нём процессов, и эта смена нашего понимания есть на самом деле не что иное, как смена нашего мнения (верования-убеждения) относительно затронутых в исследовании-расследовании вопросов (Ефимов, 2016, с. 24). Это новое понимание нередко требует введения новых понятий, с помощью которых и отражается это понимание, его смысл. Конечным же результатом смены верования-убеждения является изменения в наших постоянных, привычных правилах действия, то есть в наших привычках. Что касается процедуры продумывания-обсуждения, то следует особо подчеркнуть, что она является необходимым элементом любой (и обычной, и проблемной) человеческой деятельности. По Дьюи, задача обдумывания-обсуждения состоит в том, чтобы находить выход из затруднительных положений в существовании-деятельности, а также восстанавливать преемственность, воссоздавать гармонию, использовать свободно свои импульсы и перенаправлять привычки. Этим целям и служат наблюдения за существующими условиями и воспоминания о ситуациях, которые имели место в прошлом. Обдумывание-обсуждение начинается тогда, когда в деятельности возникают проблемы и заканчивается *выбором курса действий*, которые акторов устраивают.

В этом отношении Дж. Дьюи производит радикальную замену «экономического человека» (*homo oeconomicus*) «человеком познающим», который постоянно в своей жизни проводит исследования-расследования, коллективно приспосабливаясь к изменяющимся условиям своего существования. Важную роль в этом приспособлении играют обдумывания-обсуждения, которые в виде дискурсов и составляют ткань человеческих взаимодействий, делая каждого члена этих взаимодействий «человеком говорящим». Вместо взятой экономистами из термодинамики (Майровски, 2012), метафоры равновесия, получаемого в результате взаимодействия людей как сталкивающихся индивидуумов-молекул, прагматизм предлагает рассматривать это взаимодействие как динамичное, постоянно сопровождаемое неопределенностью, при котором следование всех участников этого взаимодействия, членов определенного сообщества, общим для членов этого сообщества правилам-привычкам делает их поведение предсказуемым (Ефимов, 2016, с. 28).

Делиберативная (дискурсивная, совещательная) демократия

Представительные демократии (и прежде всего демократии *элитарного* типа) сознательно или бессознательно исходят из представления о *некомпетентности большинства*. В. М. Ефимов приводит на этот счёт мнения Е. Г. Ясина (Ефимов, 2016, с. 291–292), Й. Шумпетера (Ефимов, 2016, с. 295–296) и У. Липпмана (Ефимов, 2016, с. 296–299), которые считают, что большая часть населения некомпетентна в политических делах, однако, считает автор, социально-политическая некомпетентность «проистекает не из-за какой-то ограниченности большей части людей... а является следствием институциональной среды, в которую они и предшествующие им поколения были погружены» (Ефимов, 2016, с. 299).

Система образования/воспитания, основанная на идеях Дж. Дьюи, а также наука (в том числе и экономическая), построенная на принципах дискурсивного конструктивизма, могут положительно повлиять на эту среду «с тем, чтобы возможности простых граждан для участия в политической жизни страны увеличились» (Ефимов, 2016,). Каким образом? А таким, что результаты научных исследований (не априорно-теоретических, а добытых в ходе действительного контакта с акторами и социальной реальностью) должны доводиться до сведения не только учёных (экспертов) или чиновников, но и до самых широких слоёв общественности в доступном для понимания всех виде.

Ориентируясь на дискурсивную методологию в экономической (а шире – в социальной) науке, В. М. Ефимов делает далеко идущие выводы. Так, если в социальной системе возникает *институциональная проблемная ситуация*, то она приводит к *сомнениям*, которые (как в научной, так и повседневной проблеме) необходимо устранить. Для этого надо провести исследование-расследование и через коллективное продумывание-обсуждение и интеллектуальный поиск прийти к снятию проблемы (через корректировку или замену наличных верований-убеждений, а затем и через корректировку или замену наличных правил-привычек). Причём продумывания-обсуждения должны проходить в рамках свободных временных ассоциаций граждан, заинтересованных в решении конкретных проблемных ситуаций (Ефимов, 2016, с. 292, 294, 302). В системе таких временных союзов/ассоциаций граждане будут активно участвовать в политическом дискурсе страны, а также будут выдвигать своих кандидатов на всевозможные выборы.

Таким образом, мы имеем весьма интересное преломление экономической методологии, предлагаемой В. М. Ефимовым, в политической сфере. Из прагматического понимания истины он делает вывод, что и в социально-политической сфере необходимо также ориентироваться на конкретные сообщества, в рамках которых нужно принимать решения не путём голосования (*количественных* методов), а путём непосредственного дискурсивного обсуждения проблем и принятия коллективных решений об изменениях в правилах организации совместной жизни (*качественный* подход). Следовательно, конструктивистская институциональная и дискурсивная методология приводят к идее дополнения представительной демократии демократией *делиберативного* типа (Линде, 2015).

В делиберативной (совещательной) демократии роль экспертов, в том числе и экономистов, очень велика, но она не сводится к обслуживанию только представителей правительства и бизнеса. Более того, она состоит не в подготовке «рекомендаций» на основе каких-то теорий, как это имеет место в настоящее время, а в проведении исследований-расследований функционирования действующих институтов и доведения результатов этих исследований до широкой общественности, в том числе и через средства массовой информации. Можно сказать, что основной задачей экономистов-исследователей в этой системе становится *институциональный мониторинг* (Ефимов, 2016, с. 170).

Выводы

Политическая философия, представленная в книге В. М. Ефимова, реалистична, но самое главное, на наш взгляд, она основывается на радикально гуманистическом понимании человека как существа, способного через обучение и воспитание становиться социально ответственной личностью, связанной солидарностью со всеми другими членами свободного сообщества. «Проекты подлинного освобождения человека возможны, – пишет В. М. Ефимов, – потому что люди в состоянии прийти к пониманию того, что они являются активными агентами исторического процесса, агентами, которые могут пытаться реализовать свои проекты, взаимодействуя друг с другом в рамках сообщества» (Ефимов, 2016, с. 288). Более того, подобная политическая практика вовлечения всех ответственных граждан в социальные дебаты и политический дискурс должна быть основана на «дискурсивной тройке»: *дискурсивной экономике, дискурсивной (делиберативной) демократии и дискурсивной этике* (Ефимов, 2016, с. 171). Предполагается, что можно согласиться с автором: «Без радикальной реформы представительной демократии в сторону активного участия рядовых граждан в обсуждении и принятии политических решений, построение стабильного социального государства невозможно, а воспроизведение и обострение социального вопроса становятся неизбежными» (Ефимов, 2016, с. 290–291).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергер П. и Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia–Центр; Медиум, 325 с.
- Блур Д. (2017). Анти-Латур // *Логос*, Т. 27, № 1, с. 85–134.
- Гаррета Г. (2015). Наука, этика и общество: Дьюи и прагматистское исследование-расследование // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, Т. 15, вып. 3, с. 5–30.
- Ефимов В. М. (2016). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. Монография. М.: КУРС; ИНФРА-М, 352 с.
- Латур Б. (2003). Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, № 3, с. 20–39.
- Латур Б. (2017). Визуализация и познание: изображая вещи вместе // *Логос*, Т. 27, № 2, с. 95–156.
- Линде А. Н. (2015). Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, Т. 8, № 1 (39), с. 52–58.
- Майровски Ф. (2012). Физика и «маржиналистская революция» // *Terra Economicus*, Т. 10, № 1, с. 100–116.
- Andrews T. (2012). What is Social Constructionism? // *Grounded Theory Review*, 11(1), 39–46.
- Becchio G. and Leghissa G. (2016). The Origins of Neoliberalism // *Insights from economics and philosophy*. New York: Routledge.
- Burr V. (2003). Social Constructionism. 2nd ed. London: Routledge, 239 p.
- Commons J. R. (1950). The Economics of Collective Action. New York: The Macmillan Co., 436 p.
- Dewey J. (1973). Lectures in China, 1919–1920. Honolulu: The University Press of Hawaii, 337 p.
- Dewey J. (2000). Liberalism and Social Action. Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 93 p.
- Glaser B. G. (2001). The grounded theory perspective: Conceptualization contrasted with description. Mill Valley, CA: Sociology Press.
- Hay C. (2006). Constructivist Institutionalism // *The Oxford Handbook of Political Institutions*. New York: Oxford University Press, 56–74.
- McDermott J. J. (1981). The Philosophy of John Dewey. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Schmidt V. A. (2008). Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // *Annual Review of Political Science*, 11, 302–326.
- Skocpol T. (1999). Why I am a Historical Social Scientist. // *Extensions: Journal of the Carl Albert Congressional Research and Studies Center*, 16–19.
- Steinmo S., Thelen K. and Longstreth F. (eds). (1992). Structuring Politics. Historical Institutionalism in Comparative Analysis. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thompson J. K. (2005). John Dewey and pragmatic economics. Nashville, Tennessee: Vanderbilt University Press.
- Weinberg D. (2014). Contemporary Social Constructionism: Key Themes. Philadelphia, PA: Temple University Press.

REFERENCES

- Andrews T. (2012). What is Social Constructionism? // *Grounded Theory Review*, 11(1), 39–46.
- Becchio G. and Leghissa G. (2016). The Origins of Neoliberalism // *Insights from economics and philosophy*. New York, Routledge.

- Berger, P. L. and Luckmann T.* (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow, Academia-Center; Medium. (in Russian).
- Bloor D.* (2017). Anti-Latour // *Logos*, 27(1), 85–134. (in Russian).
- Burr V.* (2003). *Social Constructionism*. 2nd ed. London, Routledge.
- Commons J. R.* (1950). *The Economics of Collective Action*. New York, The Macmillan Co.
- Dewey J.* (1973). *Lectures in China, 1919–1920*. Honolulu, The University Press of Hawaii.
- Dewey J.* (2000). *Liberalism and Social Action*. Amherst, N.Y., Prometheus Books.
- Garreta G.* (2015). Science, ethics and society: Dewey and pragmatist research-investigation // *Research Yearbook of the Institute of philosophy and law, Ural branch of the Russian Academy of Sciences*, 15(3), 5–30. (in Russian).
- Glaser B. G.* (2001). *The grounded theory perspective: Conceptualization contrasted with description*. Mill Valley, CA, Sociology Press.
- Hay C.* (2006). Constructivist Institutionalism // *The Oxford Handbook of Political Institutions*. New York: Oxford University Press, 56–74.
- Latour B.* (2003). When things strike back: a possible contribution of 'science studies to the social sciences // *The Moscow University Herald*, series 7. Philosophy, 3, 20–39. (in Russian).
- Latour B.* (2017). Visualization and Cognition: Drawing wings Together // *Logos*, 27(2), 95–156. (in Russian).
- Linde A. N.* (2015). Deliberative democracy as a direction in the modern theory of democracy: an analysis of the main approaches // *The contours of global transformations: politics, economics, law*, 8(1), 52–58. (in Russian).
- McDermott J. J.* (1981). *The Philosophy of John Dewey*. Chicago and London, The University of Chicago Press.
- Mirowski Ph.* (2012). Physics and the marginalist revolution // *Terra Economicus*, 10(1), 100–116. (in Russian).
- Schmidt V. A.* (2008). Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // *Annual Review of Political Science*, 11, 302–326.
- Skocpol T.* (1999). Why I am a Historical Social Scientist. // *Extensions: Journal of the Carl Albert Congressional Research and Studies Center*, 16–19.
- Steinmo S., Thelen K. and Longstreth F.* (eds). (1992). *Structuring Politics. Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Thompson J. K.* (2005). *John Dewey and pragmatic economics*. Nashville, Tennessee, Vanderbilt University Press.
- Weinberg D.* (2014). *Contemporary Social Constructionism: Key Themes*. Philadelphia, PA, Temple University Press.
- Yefimov V. M.* 2016. *Economic Science in Question: Other Methodology, History, and Research Practice*. Moscow, COURSE; INFRA-M. (in Russian).